

Н. ВОЛКОВ

43 роли

О ЮБИЛЕЕ ВИШНЕВСКОГО

Из 70 прожитых лет А. Л. Вишневский отдал театру полвека. Эти 50 сломаны на две неравных части. Первые 15 лет Вишневский становился актером, вторые 35—он рос, как актер Художественного театра. История его жизни перерезана пополам 1898 годом—годом рождения МХАТ. Все, что было до этой даты, оказалось предисловием, все, что было после,—творческой биографией.

Вишневский учился сценическому искусству не в школах и студиях, но на галерке Таганрогского театра, на любительских спектаклях, в скитаниях по провинциальным подмосткам. В этих кочевьях он приобрел любовь к публике, признание антрепренеров, перспективы хороших контрактов и бенефисных аншлагов.

Согласившись сменить уже завоеванную провинцию на работу в молодой труппе Станиславского и Немировича, с еще очень туманным будущим, Вишневский сделал смелую и решительную ставку. Но внутреннее чутье его не обмануло. Вишневский выиграл, потому что в одну из поворотных минут эпохи он оказался в основном русле нового искусства.

Вишневский принадлежит к числу самых старых «стариков» Художественного театра. Эта «старость» вопрос не возраста, но «программы» «Царя Федора Иоанновича» 14 октября 1898 года. Из тех, кто был действующими лицами в этом спектакле, на сцене МХАТ остались Москвин, Книппер, Вишневский. Но это—«царь Федор», «царица Ирина», «Борис Годунов». Это уже не имена, а созвездие.

Борис Годунов сразу выявил одну из черт Вишневского-актера: его импозантную властность и декоративную монументальность. В Борисе он играл кормчего государственного корабля, и эта основная линия роли делала его жесты покойными и уверенными, как жесты опытного рулевого.

Вишневский в своих автобиографических заметках признается, что властность не является ни в какой мере свойством его человеческого характера. Он даже думает, что

образ московского властителя ему удалось создать в силу «противоположности». Но также вероятно и то, что отсутствие настоящего металла в его темпераменте не превратило отдельные героические удачи в прочное «амплуа». Свое настоящее «я» Вишневский нашел не в складках тоги Марка Антония, но в скромных пиджаках обыкновенных и простых людей. Поэтому-то радуга сорока трех ролей, сыгранных Вишневским в МХАТ, прочно упирается одним концом в Дорна Войницкого, Кулыгина чеховских пьес, а другим—в профессора Захарова из «Страха». Это своего рода иллюстрации к «истории русской интеллигенции» в ее светлых и темных сторонах.

В Войницком и Дорне Вишневский сыграл то, что можно назвать «артистическим» подходом к жизни, т. е. то, что было у самого Чехова—внутреннее изыщество в отношениях к людям. С другой стороны, в Кулыгине, даже добродушно трактованном Вишневским, проступили страшные черты «человека в футляре», подменяющего человеческое сердце и ум чиновничьим табелем о рангах. Эта подмена доведена была Вишневским до полного морального разложения, когда в слякотном и слезливом образе профессора Захарова из афиногеновского «Страха» он наполнил мистические пентограммы контрреволюционной деятельностью этого «героя».

Вишневскому присущ также яркий жанризм эпизодических ролей. И в этом отношении вершиной его творчества остается татарин из горьковского «Дна». Фигура старого крючкина создана Вишневским настолько цельно в своем перевоплощении, что он перестает существовать как образ, созданный волей художника, но выглядит куском подлинной жизни.

Прожив 70 весел и зям, получив почетное звание заслуженного деятеля искусства и героя труда, Вишневский все еще больше смотрит вперед, чем оглядывается назад. Его мемуары еще не мемуары, но только «клочки воспоминаний». Ветеран по годам—он новобранец по своему жизнерадостному.

Вот почему маститый юбилей Вишневского совсем на мастит по своей внутренней сущности, и старый музыкант Фредрихсен, которого он играет в гамсуновской пьесе «У жизни в лапах», совсем не символичен для судьбы своего исполнителя. И если старик Гилле говорит про Фредрихсена, что «этот молодой человек оказывается старым человеком», то про Вишневского можно сказать наоборот, что «этот старый человек еще молодой человек». Такова кипучая энергия и неутомимость юбиляра, таково его бодрое восприятие действительности. И когда Вишневский на своем юбилейном торжестве говорил, что он надеется еще послужить рабоче-крестьянскому государству своим искусством, то эти слова звучали полновесным обещанием, так как за ними стояли большие запасы сил, душевное горение и настоящая любовь к тому театру, с которым Вишневский прошел ногу в ногу длинную творческую дорогу.